

Мой крик переполошил всю Палату государственного этикета. В считанные мгновения понабежали чиновники, кто-то помчался за лекарями, кто-то — к заместителю главы и к старшим братьям, наследнику со Вторым принцем, отвечавшим за приём посольства. Ночную тишину подворья разорвал нестройный гомон, топание десятков ног. Ко мне обращались, меня трясли за плечи, но я ничего не слышал и не замечал вокруг.

Я лишь сжимал его в объятиях, задыхаясь от ужаса. Его тело медленно хладело. Оцепенение заполнило разум, вытеснив даже страх. Обняв его изо всех сил, я прижимал его к себе, пытаясь отдать всё собственное тепло, лишь бы согреть.

Придворный лекарь прибыл быстро. Ещё бы: Цзи Минчэнь — заложник вражеского государства. В Палате государственного этикета его могли морить голодом, унижать, но позволить ему сдохнуть на земле Южной Чу никто бы не дерзнул. Посему врачеватель явился без промедления.

Я отказывался разжать руки, никому не веря. Диким, загнанным зверьком я огрызался и со злой настороженностью следил за каждым чиновником, пытаясь защитить его, и подпустил к постели одного лишь лекаря.

— Спаси его... — прозвучал мой голос, хриплый и надсадный. — Молю, спаси.

Старик не стал тратить попусту слова. Сосредоточенный, мрачный, он сноровисто развернул свиток с серебряными иглами и начал колоть ими тело Минчэня, вонзая их в акупунктурные точки. На обнажённой груди и плечах Цзи Минчэня открылись старые рубцы от клинков и плотные шрамы. Увидев это, я мгновенно поднялся, заслоняя его от чужих глаз.

Я едва не лишился рассудка, но мне нельзя было сдаваться безумию. Пока он не очнётся, я должен держаться. Однако тупая боль в груди давила так, что разрывала изнутри. Я обернулся к дверям — там толпились чиновники Палаты.

Они дрожали, но вовсе не из сострадания к Цзи Минчэню. Их терзала одна мысль: если заложник испустит дух, перед Северным Инь не оправдаться. Лишь вчера доставили государственную грамоту, а нынче принц мёртв? Поднимется ропот, Южную Чу обвинят в вероломстве, страна потеряет лицо. Для них он оставался лишь вещью, пешкой, безымянным символом.

Но он был моим.

Я медленно пошёл к порогу. Я не знал, каков мой вид, но на лицах чиновников прочитал неописуемый ужас. Они невольно отшатнулись.

— Пошли вон, — выцедил я.

Стоявший во главе, должно быть, заместитель главы Палаты, метнул растерянный взгляд на моего старшего брата, наследного принца Чу Цзюня.

Я повторил без единой эмоции:

— Вон отсюда.

— Выйдите, — повелел им Чу Цзюнь.

Чиновники попятились за дверь, но уйти не дерзнули, оставшись дежурить на пороге. В покоях остались только наследник и второй принц.

— Уходите и вы, — ровно произнёс я, не поднимая головы.

Дерзить старшим братьям, один из которых — наследник престола, было неслыханной дерзостью. Но мне было плевать. Мой божественный бессмертный угасал на моих глазах — к чему мне глупый этикет?

— Происходящее слишком важно, — возразил Чу Цзюнь. — Я обязан знать всё, чтобы доложить отцу-императору.

— Молю вас, — шепнул я.

Не знаю, сколько прошло мгновений, но в конце концов оба брата вышли. Я запер дверь на засов.

Остатки наигранной лютости улетучились. Колени подогнулись, и я рухнул на край ложа. Серебряные иглы превратили Минчэня в подобие ежа, но эти же иглы вонзались и в моё сердце.

— Вы спасете его?.. — спросил я дрожащим голосом.

Иссохшие, но твёрдые пальцы старца умело меняли иглы. Его молодой помощник уже раздувал жаровню, готовя отвар, и комната быстро напиталась густой, вязущей горечью.

— К счастью, вы позвали вовремя, отравы не успела добраться до сердца, — подал озабоченный голос старый лекарь. — Однако господин принялся за яд с явным намерением свести счёты с жизнью. Доза огромна, придётся повозиться.

Я онемел, глядя на помертвелое лицо Минчэня. Свести счёты с жизнью? Но ведь он ещё недавно улыбался мне! Он пообещал стать моей княгиней, просил приготовить ему курицу в

лотосовых листьях...

Когда отвар подоспел, я стал поить его из губ в губы, по капле. Впервые я касался кого-то столь близко. Его губы были мягкими и прохладными, сохранявшими тот самый родной, любимый запах.

Когда лекари удалились, я остался с ним в темноте. Обняв его, я тихонько баюкал его, поглаживая по спине, как когда-то матушка-императрица в детстве. Минчэнь лежал холодный, едва дыша, точно жизнь уходила из него тонкой нитью.

— Ты поцеловал меня, — прошептал я. — Меня прежде никто не целовал. Мы теперь одно целое. Ты не смеешь меня бросить.

Занимался рассвет. Прижавшись к нему, я забылся тяжёлым сном, а проснулся, когда солнце стояло уже высоко. Не было нужды в звонких голосах служанок — я глянул на его лицо и мгновенно вспомнил всё. Сам факт его существования удерживал мою душу в теле, не давая распасться на части.

Днём снова пришёл лекарь для иглоукалывания.

Минуло семь долгих дней. Наконец к его телу вернулось живое тепло, а смертельная синева сменилась обычной немощной бледностью.

Уложив серебряные иглы в бамбуковый ларчик, старый врачеватель произнёс:

— Полагаю, если не случится худа, к ночи он придёт в себя. Ваше Высочество может немного успокоиться. — Он выдержал паузу и с озабоченностью добавил: — Однако господин отравлен порошком, расслабляющим мышцы. Долгое пребывание этой отравы в крови губит жилы и меридианы. Со временем они усохнут, и жизнь его угаснет.

— Так излечи его! — перебил я.

Старец покачал головой:

— Лечение требует искушения иглой и целебных ванн, а мука при этом выпадает такая, что не всякий снесёт. Нынче же он слишком слаб и не выдержит пытки.

Я молча вглядывался в его спящее лицо. Вот отчего он был столь немощен, отчего даже шаг давался ему с трудом... А ведь ему суждено было вести войска, рваться в бой в алых доспехах — гордому, неистовому, безрассудному генералу.

Лекарь тихо удалился.

Смеркалось. Я припал к краю ложа, прижав его ладонь к своей щеке, и не мигая следил за ним.

В тусклом свете свечи его тёмные ресницы, точно крылья бабочки, трепетно вздрогнули. Я затаил дыхание. Но они будто налились свинцом и так и не поднялись. Он продолжал лежать с закрытыми глазами, бездыханный и безучастный.

И тут меня осенило: он просто не хочет просыпаться. Не хочет спасения. Не хочет жить. Мечтает уйти.

Врач был прав — его намерение умереть непреклонно.

Слёзы обожгли веки, но я сжал зубы, не позволяя им пролиться.

— Цзи Минчэнь, — окликнул я.

Ни звука в ответ.

— Мой бессмертный...

Снова тишина.

Но я знал: он слышит. Он просто устал жить и желает лишь погрузиться в небытие, пока холод окончательно не скоет его плоть.

Но я этого не допущу.

Я прилёг подле него, как обнимал все эти дни, и принудил себя прижать щеку к его щеке. Он исхудал, но оставался всё тем же прекрасным, сошедшим с небес духом. Где бы я ни увидел его, мне довольно единственного взгляда, чтобы пропасть навеки.

— Я ведаю, ты слышишь меня, — шепнул я. — Не хочешь молвить слово — просто послушай.

Мой заторможенный разум с трудом собирал мысли. Потихоньку, слово за словом, я стал рассказывать:

— В детстве я был ужасно глуп. До пяти лет молчал, а когда впервые разомкнул уста, то не назвал ни матушку, ни отца. Матушка-императрица совсем во мне разочаровалась. Она не желала видеть меня подле себя, хотела отослать из дворца и взять на воспитание какого-нибудь смышлёного принца... Но отец-император отговорил её.

— Позже, когда я подрос, я всё равно говорил слишком медленно, надолго задумываясь над каждым словом. Никто не хотел со мной играть, никто не желал выслушивать. Стоило мне разжать губы, как меня тут же обрывали. Мальчишки-сверстники, да и четвёртый с пятым братьями, бросали в меня камешками. А я забивался в угол и утирал слёзы, собирая эти камни.

— Сперва я бегал жаловаться матушке-императрице. Думал, она пожалеет, прогонит обидчиков. Но она лишь со слезами бранила меня, называя бестолковым дурачком. — Я всхлипнул и сглотнул подступивший ком. — С тех пор я перестал ходить к ней. Просто сидел в углу один-одинёшенек.

— Тогда находился лишь один человек, который играл со мной и слушал мои речи. Его звали Сюй Цинцзэ, он сын Великого наставника Сюй. В те поры он был по-настоящему добр, не гнушался моей глупости и с терпением учил меня простым вещам.

Тут мой заторможенный ум спохватился, и я зачастил, боясь быть понятым неверно:

— Но... но то дела минувшие! Я давным-давно его не люблю, мне нужен только ты! Мои мысли, моё сердце — всё принадлежит тебе одному!

Я наклонился к нему. Его длинные густые ресницы лежали недвижно, отбрасывая лёгкую тень на щёки. Залюбовавшись, я осторожно прикоснулся губами к его сомкнутому веку.

— На чём я остановился?... Ах да, Сюй Цинцзэ... — Я на силу выудил воспоминание из памяти. — Недавно он признался, что жалел меня в детстве только из сострадания. Я долго плакал, но теперь мне всё равно. Больше не больно.

— Лучше расскажу про детство... Когда скончалась матушка Пятого брата, Чу Яня, ему исполнилось всего семь лет. Он тосковал день за днём, и я стал приходить к нему, чтобы развлечь разговорами. Хотя он и обижал меня прежде, но ведь он мой брат! Я знал, что душа у него неплохая, просто мальчишеское озорство. И знаешь... потом, когда другие пытались задеть меня, Чу Янь всегда заступался. И дарил мне красивые гладкие камешки.

— А когда Четвёртый брат, Чу Шао, подрос, он попросил у меня прощения. Сказал, что поступил дурно. С тех пор мы троём стали неразлучны. Хм... Совсем недавно Чу Шао даже помогал мне одеться...

Я опять осёкся и поторопился оправдаться:

— Но я уже учусь одеваться сам! Чунли меня учит. Я вовсе не такой уж глупый! Летом одеяния простые, я с ними справляюсь. Осенние да зимние посложнее, но я скоро научусь!

Я болтал обо всём подряд и вдруг замер, пытаюсь вспомнить: о чём же я начинал говорить? Ах да... я ведь хотел переубедить его...

Пришлось долго размышлять, пока свечной воск не натёк на стол тяжёлым застывшим опływом. Наконец я сформулировал мысли:

— Мой бессмертный... Видишь, всё ведь постепенно налаживается, правда? В детстве я был таким несчастным, а нынче живу вовсе не плохо.

— Ты ведь такой добрый, такой разумный. Впереди тебя обязательно ждёт счастье.

Он лежал всё так же неподвижно, не моргнув и ресницей.

— Ты не веришь мне? — тихим эхом отозвался я. — Но ты и правда замечательный! Стоит тебе появиться, как у меня внутри всё замирает, словно мотыльки порхают. Будто вкусил спелых осенних ягод — и сладко, и сольно в груди. А ноги точно тонут в мягких облаках, и с места не сдвинутся.

Я смотрел на него, потеряв разум от нежности:

— Мой бессмертный... Я так безумно люблю тебя!

И вдруг я заметил: из уголка его глаза медленно скатилась прозрачная слеза.

Дрожащими пальцами я подставил кончик пальца, подхватив эту каплю. Она казалась такой хрупкой, но таила в себе столько невысказанной боли. Невидимые железные тиски сжали моё сердце так, что перехватило дыхание.

Обида, тоска, тревога, пережитый ужас — всё разом хлынуло наружу. Охваченный бурей чувств, я не выдержал.

Слёзы хлынули из глаз. Прижав его к себе, я рыдал и снова и снова шептал ему на ухо:

— Цзи Минчэнь... Мне так больно... Обними меня, ну обними же, молю тебя...

<http://bllate.org/book/20619/2115831>